

RU

Научная рецензия на сборник научных статей:

Алпатов В. М. Избранные труды XX века /
сост.: П. М. Аркадьев, А. А. Кибрик, Кс. П. Семенова, С. Г. Татевосов.
М.: Языкознание, 2023. 459 с.

Кульпина В. Г.

Аннотация. В рецензии предлагается анализ сборника научных статей разных лет ведущего ученого в области общего языкознания, истории языкознания, лингвистической типологии и японоведения, доктора филологических наук, академика В. М. Алпатова. Внимание сосредоточено на направлении японоведения, представленного статьями, освещающими традиционные и базовые для японоведения проблемы грамматических категорий японского языка, таких как категория падежа, категория числа, категория вида, выделяемых частей речи, которые обладают в японском языке яркой спецификой, вариантов японского языка, языковой коммуникации, гендерных различий речи, словарной базы.

EN

Alpatov V. M. Selected Writings of the 20th Century /
compilers: P. M. Arkadiev, A. A. Kibrik, K. P. Semyonova, S. G. Tatevosov.
Moscow: Yazykoznanie, 2023. 459 p.: Book review

V. G. Kulpina

Abstract. The peer-reviewed book offers the analysis of the selected scientific articles from different years by the leading specialist in general linguistics, history of linguistics, linguistic typology and Japanese studies, Doctor in Philology, the Member of the Russian Academy of Sciences V. M. Alpatov. Attention is paid to the Japanese studies' direction; it consists of articles that illuminate the traditional and basic problems of Japanese studies. These include Japanese grammatical categories, such as the category of case, the category of number, the category of aspect, part-of-speech tagging, which has very specific characteristics in the Japanese language, the variants of the Japanese language, linguistic communication, gender-based speech differences, dictionary bases.

Рецензируемую книгу – сборник трудов доктора филологических наук, академика Российской академии наук (РАН) В. М. Алпатова, зав. отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, главного научного сотрудника Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, состоящий из 36 статей, – можно отнести к ряду важнейших направлений лингвистической науки: общему языкознанию, лингвистической типологии, социолингвистике, языковой политике. Одно из таких направлений представлено японоведением. В предисловии от составителей указывается на широту научных интересов В. М. Алпатова, оцениваемых с помощью эпитетов *классические, фундаментальные, уникальные*.

Книга открывается разделом «Японоведение». Сосредоточим внимание именно на этом разделе, отражающем специфику подхода В. М. Алпатова ко многим областям языкознания, в которых он сказал свое веское слово. Статьи, относящиеся к данному направлению, были написаны в разное время и в какой-то мере отражают эволюцию взглядов на проблемные узлы японоведения.

Лейтмотивом раздела является раскрытие отечественным специалистам сущности грамматических категорий японского языка, чему способствует взгляд носителя, знатока и ценителя категориальной специфики также и русского языка.

Первая из статей «Грамматическая система форм вежливости современного японского литературного языка» является, возможно, самой узнаваемой из работ автора – той, с которой он заявил о себе как зрелый

ученый. Это была статья по теме его кандидатской диссертации и выпущенной по итогам диссертационного исследования книги «Категории вежливости в современном японском языке», выдержавшей уже целый ряд изданий (например, 5-е издание (Алпатов, 2015)). Подчеркнем, что речь идет о грамматических формах вежливости – в японском языке они именно грамматичны и передаются не только лексическими средствами, но и в высокой степени – грамматическими, относящимися к грамматической системе японского языка. Представленные результаты диссертационного исследования автора анализируются на материале двух типов категорий вежливости, выражающих: 1) «отношение говорящего к собеседнику в зависимости от того, о чем идет речь (категория адрессива)» (Алпатов, 2023, с. 21). Эта категория представлена в глаголе, глаголь-связке, а также в предикативном прилагательном; 2) категория вежливости, выражающая «отношение к лицам, о которых идет речь (категория гоноратива)» (Алпатов, 2023, с. 21), выступающая у всех знаменательных частей речи. Адрессив и гонортив, будучи разными категориями, обладают каждая собственной системой форм вежливости – при идейной схожести. Обязательность употребления форм вежливости говорит о том, что они занимают в системе японских грамматических категорий весьма значимое место. Об этой категории, ее понимании в трудах В. М. Алпатова и применении в исследованиях категорий вежливости в славянских языках говорится в работах (Кульпина, 2016, с. 23-45; 2023).

Статья «О выделении единиц грамматики в японском языке» посвящена разграничению исследовательских подходов к таким единицам. Речь идет о лингвистическом статусе языковых единиц японского языка. Показывается, что в японском языке нет понятия, которое бы полностью соответствовало европейскому пониманию морфемы. Констатируется, что в японском языковом сознании фигурируют несколько иные грамматические категории, нежели морфема и слово: «носители японского языка обычно не членят текст на слова» (Алпатов, 2023, с. 25), «японская лингвистическая традиция, основанная на осознании языка его носителями, не выработала понятия слова» (Алпатов, 2023, с. 27). Для носителей японского языка вычленяемой ими в потоке речи единицей является *го* как основа слова, но отнюдь не морфема и не слово в европейском понимании. При этом «в японском языке единицы традиционной японской лингвистики выделяются весьма единообразно» (Алпатов, 2023, с. 27). Как подчеркивает В. М. Алпатов, границы слова как единицы лексики и как единицы грамматики не всегда совпадают. Очевидно, что само понятие слова отсылает ко многим сущностям и может пониматься по-разному. О разных подходах и разном понимании слова говорится в книге В. М. Алпатова «Слово и части речи» (2018), демонстрирующей подход к пониманию слова как языковой единицы, не изымаемой из лингвистики и лингвистических штудий. Слово рассматривается в этой книге как глубинное психолингвистическое понятие, единица, хранящаяся в мозгу. При таком подходе в японском языке слово есть, причем во всем богатстве его функций и воплощений.

Статья «Что такое прилагательное в японском языке?» раскрывает перед читателем своеобразие атрибутивных реляций японского языка. Так, класс лексем с окончанием на *-й* в японистике с XVIII века принято выделять как прилагательные (в японской терминологии – *кэйё:си*); аналогично и в среде европейских ученых. Однако некоторая часть европейских ученых относит эти формации к прилагательным лишь в семантическом отношении, но не в структурном плане. Отмечается, что с точки зрения синтаксиса эти формации обладают глагольными свойствами, особенно у стативных глаголов. На возможности их употребления влияют *транспозиторы* типа субстантиваторов. При этом «точные семантические границы между *кэйё:си* и стативными глаголами, по-видимому, не могут быть установлены» (Алпатов, 2023, с. 34).

В. М. Алпатов относит *кэйё:си* к качественным прилагательным. Он утверждает, что *кэйё:си* «представляют собой подкласс более общего класса стативных глаголов» (2023, с. 35), отсюда их можно отнести к *качественным глаголам*. Отнесение единиц данного класса к прилагательным, по мнению В. М. Алпатова, связано с тем, что таковые регулярно переводятся на европейские языки прилагательными; тем не менее важно правильно квалифицировать эти формы, размещая их под «правильным», адекватным их природе названием, так как «часто неточное употребление терминов приводит к неточному описанию фактов языка» (Алпатов, 2023, с. 37). С этим утверждением нельзя не согласиться.

Здесь же в статье описывается класс в какой-то мере соотносимых с прилагательными лексических единиц – таких как «приименные, морфологически неизменяемые лексемы, употребляемые только в определительной позиции» (Алпатов, 2023, с. 35-36). В русском языке их соответствием и даже аналогом можно считать аналитические прилагательные. Еще один класс лексем, описываемых в статье, – это близкие прилагательным «так называемые морфологически неизменяемые лексемы, употребляемые только в определительной позиции» (Алпатов, 2023, с. 36). Индикатором для этой группы формаций служит сочетаемость с показателем *на*. В заключительных строках статьи проводится параллель с корейским языком, в котором «имеются единицы с качественным значением, традиционно именуемые прилагательными, но обладающие глагольными свойствами, но с другой стороны, имеются и собственно прилагательные» (Алпатов, 2023, с. 37).

В статье «О показателях множественности и категории числа в современном японском языке» описывается яркое своеобразие категории числа в японском языке по сравнению с таковой в европейских языках. Множественное число может выражаться особыми показателями деривативного характера: суффиксально, префиксально или через редупликацию. Однако если встать на позиции исследователей европейских языков, категория числа как таковая в японском языке отсутствует. Вместе с тем японские исследователи относят показатели множественности к фактам языковой деривации. Эти показатели множественности – *тати*, *ра*, *гата* и *домо* – «присоединяются только к именам, включая личные и некоторые указательные местоимения; однако не ко всем, а лишь к одушевленным, включая названия животных...» (Алпатов, 2023, с. 39).

Показатели вежливости для множественного числа ранжируются по степени выражаемой ими вежливости, а наиболее вежливым показателем является *gata*: «Он присоединяется к названиям лиц, в отношении которых нужно выразить определенную вежливость» (Алпатов, 2023, с. 44). Представленное в статье описание показателей множественности, как представляется, дает основания для вывода о значительной степени их обобщенности и системности: они выступают достаточно регулярно, не выполняя вместе с тем предъявляемого к грамматическим категориям требования обязательности. Факультативный характер их употребления не позволяет ряду ученых считать категорию числа японского языка грамматической категорией в полном смысле. Выступает целый ряд ограничений на их употребление. Так, *gata* не может присоединяться к местоимениям 1-го лица (человек не может выражать вежливость в отношении самого себя). Из местоимений 2-го лица *gata* сочетается лишь с самыми вежливыми и не соединяется с невежливыми формами. «Гата, как правило, присоединяется к словам, обозначающим собеседника» (Алпатов, 2023, с. 44). Показатели *domo* и *ra* не относятся к вежливым формам. Сопряженности форм здесь чрезвычайно сложны, множество различных факторов в конечном счете предопределяет употребление показателя множественности – вежливого или не очень, или совсем не вежливого, а, возможно, и самоуничижительного в отношении себя самого. Редупликации в качестве показателей множественности достаточно нерегулярны, а порой и непредсказуемы (с помощью таких форм выражается скорее семантика собирательности (а не обычной множественности)). В. М. Алпатов придерживается мнения, что в японском языке существует категория числа как грамматическая категория, и детально раскрывает роль ее показателей в формировании множественности.

Наслоение иерархической системы выражения вежливости на систему отношений множественности образует в японском языке причудливые конфигурации. Это сложные для понимания вещи, но В. М. Алпатов терпеливо разъясняет их значимость, условия употребления и функционирования. Исходя из того, что грамматическая категория числа в японском языке есть, он на конкретных примерах показывает сущностные моменты ее экзистенции.

В статье «О мужском и женском вариантах японского языка», написанной В. М. Алпатовым в соавторстве с Т. Б. Крючковой, отмечается древний характер оппозиции мужских и женских форм японского языка. К истокам возникновения такой оппозиции авторы относят разделение мужского и женского труда, профессиональную специализацию, религиозные и культурные традиции. Имеются и слова, употребление которых женщинами табуировано. В связи с этим женщинам «приходится заменять табуированную лексику либо описательными выражениями, либо придумывать новые слова» (Алпатов, 2023, с. 50). Среди факторов, обуславливающих тенденцию к дифференциации языка, называются положение женщины в обществе (социальное неравенство), различие социальных, ценностных и психологических ориентаций мужчин и женщин.

На гендерную дифференциацию налагается дифференциация языка по другим параметрам, в частности по признаку речевой коммуникативной вежливости, а также книжности/разговорности. Дифференциация по последнему из этих признаков рельефно проявляется в употреблении местоимений, особенно 1-го лица, но также и 2-го лица. Гендерная дифференциация представлена на всех уровнях языка.

Фонологический уровень связан в том числе с интонацией; однако, различия на этом уровне проступают не столь отчетливо. Что касается *морфонологических различий*, то «во многих случаях в японском языке морфемы имеют несколько вариантов, находящихся в отношениях свободного варьирования» (Алпатов, 2023, с. 52). При этом какие-то варианты предпочтительны для мужчин, какие-то в приоритете у женщин. Важная особенность женской речи – более широкое употребление сокращенных форм. *Морфологические различия* проявляются в употреблении форм адрессива и гоноратива, передающих «общественные отношения между говорящим и слушающим (адрессив) и между говорящим и лицами, о которых идет речь (гоноратив)» (Алпатов, 2023, с. 53). При этом самые грубые формы употребляются исключительно мужчинами. Закономерностью является употребление женщинами форм более вежливых, чем употребляемые мужчинами. В любом случае, «самые вежливые формы занимают центральное положение в женском варианте, что проявляется в их более высокой частотности; в мужском варианте они если и существуют, то находятся на его крайней периферии» (Алпатов, 2023, с. 54).

Авторы указывают на дифференцирующую роль употребления именных суффиксов, присоединяемых к именам, фамилиям, названиям профессий, должностей и т. д. Интересно, что в каждом из вариантов суффиксы могут различаться значением и значимостью, занимая в речи мужчин (в отличие от речи женщин) положение ближе к центру или к периферии. Однако в японском языке представлены и такие вежливые формы, которые более частотны в мужской среде, в частности в официальной речи.

Морфосинтаксические различия сводятся к различиям в употреблении модально-экспрессивных частиц. Некоторые частицы выступают или в мужском, или в женском варианте, будучи очевидной приметой гендерных различий в японском языке. В женской речи такие частицы занимают особое место: «Здесь отсутствие частицы в конце предложения скорее исключение, чем правило» (Алпатов, 2023, с. 55). «Такие частицы – одна из самых ярких особенностей мужского и женского вариантов. Как правило, при письменной фиксации японской речи пол говорящего легко устанавливается по наличию тех или иных частиц» (Алпатов, 2023, с. 55). Отмечается связь употребления частиц с формами выражения вежливости.

Синтаксические гендерные различия связаны с оформлением составного именного сказуемого: характерно опущение связок в женской речи со своего рода «компенсацией» таковых в виде модально-экспрессивных частиц.

Лексические различия проявляются прежде всего в сфере употребления местоимений 1-го и 2-го лица, и особенно рельефно – в употреблении местоимений 1-го лица. Лексемы, обозначающие 1-е лицо у мужчин

и у женщин – это разные лексемы, и японский язык располагает несколькими такими лексемами как для мужского, так и для женского варианта. При этом могут быть выделены типичный мужской (*боку*) и женский (*ватаси*) варианты. Отмечается, что у других типов лексических единиц различия не столь разительны. Тем не менее существуют типично женские слова; в то же время некоторые лексемы занимают в речи мужчин и женщин разное (центральное или периферийное) место. В. М. Алпатов и Т. Б. Крючкова полагают, что различия в употреблении мужских и женских форм и лексем являются проекцией экстралингвистической ситуации, а именно сохраняющегося до сих пор определенного социального неравенства мужчин и женщин и большего количества социальных контактов у мужчин. При этом традиция предписывает женщине изысканнее, более вежливо и изысканно по сравнению с мужчинами. Это затрагивает и сферу внутрисемейной коммуникации мужа и жены.

В связи с разнообразием социальных контактов у мужчин авторы отмечают у них, соответственно, большее разнообразие ситуативно варьируемых форм вежливости, чем у женщин. В то же время В. М. Алпатов и Т. Б. Крючкова фиксируют действующую в современном языке тенденцию к стиранию различий мужской и женской речи. Так, элементы мужского языка проникают в женскую речь и *vice versa*. Предположительно элементы женской речи проникают в мужскую через речь воспитательниц в детских садах и учительниц в школах. Авторы отмечают и изменения в языковом сознании в виде ощущения, что нет необходимости в том, чтобы женщины общались вежливее, чем мужчины. Статья отражает ситуацию середины XX века, с тех пор положение женщин во многом изменилось, актуальным примером чему является избрание в современной Японии женщины премьер-министром. В пользу стирания различий и ощущения, что нет необходимости, чтобы женщины разговаривали с мужчинами вежливее, говорят многие языковые факты. Это не значит, что женщины в массе стали говорить по-мужски, старые привычки часто сохраняются, и многие различия ощущаются по-прежнему.

В статье «Замечания о японской падежной системе» обсуждается вопрос о существовании в японском языке падежной системы как таковой. Обычно этот вопрос увязывается с вопросом наличия/отсутствия в японском языке словоизменительных суффиксов. Признание существования таковых считается свидетельством наличия категории падежа. Однако В. М. Алпатов высказывает мнение, что функциональный подход не предполагает взаимоувязывания вышеназванных языковых фактов: «Хотя формально японские падежные показатели отличаются от русских [...], их функции при частных различиях принципиально одинаковы: они обозначают разные типы синтаксических отношений, связывающих предикаты и их актанты, маркируют разного рода роли актантов» (Алпатов, 2023, с. 62). В отечественной японистике к таким падежным показателям относят *га*, *о*, *ни*, *дэ*, *то*, *э*, *кара*, *ёри*, *нитэ*, *мадэ*, *но*. У носителя русского языка может вызывать большое удивление поразительное сходство функций японских падежных показателей с функциями падежей русского языка. Отмечается также их сходство с аффиксами и послелогом в алтайских языках. Будучи особым типом агглютинации, формы японских падежей не требуют фонологической адаптации. В целом японские падежи *ганио* выделяются совершенно четко; в отличие от таковых в европейских языках они агглютинативны (Алпатов, 2023, с. 62–63). Тем не менее, хотя в официальной речи фонетической адаптации избегают, в устной речи она повсеместно встречается. При этом падежные показатели выделяются «в особый класс элементов, отличный от аффиксов и от служебных слов; такой подход, конечно, заставляет пересмотреть традиционное понимание словоформы...» (Алпатов, 2023, с. 63). В. М. Алпатов дает детализированную картину употребления японских падежей, распределяя их в пределах парадигмы словоизменения, как-то: *га* (выделяемое по его роли подлежащего и по частотности), *о* (как показатель прямого дополнения), *ни* (с достаточно широким функционалом (адресата, деятеля, обладателя). Характерно, что падежные показатели являются носителями пространственных значений, формируя разнообразную картину локативных употреблений, в которой задействованы почти все падежные показатели (кроме *га* и *то*).

Примечательно, что падежные показатели могут присоединяться не только к именам, но и к глагольным лексемам; в истории языка они присоединялись свободно, однако в современном языке – как правило, с помощью специальных грамматических показателей *субстантиваторов* (*кото*, *токуро* и др.). Картина присоединения/неприсоединения падежных показателей к глагольным лексемам через субстантиваторы достаточно сложна из-за наслаивающихся факторов в виде, например, обозначения вежливости, вставки вопроса и подобного.

В статье «О специфике японских словарей» речь идет о национальном своеобразии словарей, издаваемых в Японии, а также в других странах. Словарная специфика японских изданий демонстрируется на примере словарей, изданных в Японии в XX веке. Хотя они проявляют определенное сходство с публикуемыми в СССР, Западной Европе и США, тем не менее, как указывает В. М. Алпатов, могут быть выделены существенные отличия от вышеназванных, традиционно издаваемых словарей европейского языкового круга. Называются прежде всего особенности включения в словари и описания в них старой лексики, имен собственных и фразеологизмов. Подчеркивается, что в любом крупном японском словаре значительная часть их объема отводится под лексику, неупотребительную для современного японского языка. В качестве примера приводится словарь «Син-мэйкай-кокуго-дзитэн» (первое издание в 1972 г.), в котором зафиксированы в том числе архаичные глаголы говорения и бытийные. В большом японо-английском словаре компании «Кэнкю-ся» еще четче проявляется тенденция к количественному росту объема архаизмов, в том числе и в издании от 1974 г. под редакцией Масуда. Отмечается стремление охватить в словаре лексику за весь письменный период существования японского языка. Еще больше архаизмов отмечается для словаря «Кодзиэн» (1969) Симмура Идзуру, причем архаическая лексика не отграничена в нем от актуальной. Наибольшее же количество

архаизмов зафиксировано в 20-томном словаре «Нихон-кокуго-дайдзитэн» (1973-1976). Такое внимание к старой лексике не характерно для словарей европейского круга: «Обычно под современным понимается язык с того момента, когда сформировался литературный язык в его ныне функционирующем виде. [...] Для японского языка такой гранью должна была бы быть эпоха Мэйдзи (1968-1912). [...] Однако японская лексикография явно идет по другому пути» (Алпатов, 2023, с. 71). В. М. Алпатов объясняет причины особого отношения японцев к своему старописьменному языку (*бунго*) тем, что он фактически не вышел из употребления в тот период, когда прекратилось активное употребление старописьменных языков в Европе. Использование *бунго* как языка культуры сохранялось в течение всего XIX века и отчасти – до первой мировой войны. Более того, его по-прежнему изучали в школе, тексты на *бунго* переиздавались, поэтому он продолжал служить источником лексики и грамматических форм. И в наши дни японцы могут написать стихи или поздравления на *бунго*.

Бунго формировался за счет старояпонского языка, в то время как «в Европе чаще старописьменные языки были языками других народов» (Алпатов, 2023, с. 71), как старославянский язык или латынь. Также и язык памятников считался образцом, от которого *бунго* не отгораживался. «Сама идея об историческом развитии языка проникла в японскую науку под европейским влиянием и с трудом пробивала себе дорогу» (Алпатов, 2023, с. 72). В результате японский язык в первой половине XX века рассматривался как единый в двух версиях – «*бунго* и *кого* (современный язык)» (Алпатов, 2023, с. 72). Показательно, что большинство иллюстративных примеров в словарях брались из старых памятников, из которых, в свою очередь, эта лексика могла проникнуть и в современный язык. Давно исчезнувшие слова сопровождалась лексикографическими пометами. Хотя устаревшую лексику из словарей в их новой редакции стали исключать, тем не менее поддержанное теоретическим подходом включение в словари старой лексики было продиктовано и практическими соображениями – по причине достаточно стабильных позиций старой лексики. И таким образом, в связи с сохранением старой лексики в современном японском языке она употребляется и в современной лексикографической практике.

Примечательно, что в большинство японских словарей базового лексикона – в толковые, а также двуязычные словари – включаются имена собственные, прежде всего географические названия, названия организаций и печатных органов (реже включаются персоналии), причем на равных основаниях с именами нарицательными. В некоторых словарях имена собственные составляют отдельный список. В европейской традиции имена собственные в толковых словарях не приводятся. В. М. Алпатов обращает внимание на то, что в историческом срезе к именам собственным относились с большим уважением; для современного состояния он отмечает множественность подходов. В разных странах существуют разные традиции включения имен собственных в словари. В японском языке у имен собственных не имеется каких-либо особых формально-графических признаков. «Исключение наиболее частотных собственных имен из словаря, составленного в Японии, встречается лишь как следование европейским образцам» (Алпатов, 2023, с. 74). В. М. Алпатов рассматривает мировую практику включения и невключения в словари имен собственных как непоследовательную и нуждающуюся в обновлении и констатирует, что «в плане подачи имен собственных японский подход рациональнее европейского» (Алпатов, 2023, с. 75).

Переходя к фразеологизмам, В. М. Алпатов описывает традицию их презентации в традиционных японских словарях, в которых фразеологизмы даются отдельной словарной статьей («Кодзиэн», «Дзиэн»). Однако в новых словарях фразеологизмы даются в конце словарной статьи по образцу европейских словарей («Синмэйкай-кокуго-дзйтэн»). Словари различаются способом подачи фразеологии; при этом в непосредственном соседстве оказываются фразеологизм и имя собственное, фразеологизм и сложное слово, что В. М. Алпатов считает вполне оправданным. В результате анализа он приходит к выводу, что «особенности японских словарей в той или иной степени имеют под собой реальные основания и заслуживают внимания» (Алпатов, 2023, с. 77).

В статье «Вариативность японского языка в связи с типами языкового существования» обсуждается вопрос о том, как типология языкового существования находит отражение в системе языка. Японский язык являет собой с этой точки зрения показательный материал в связи с яркими различиями между устной и письменной речью. В. М. Алпатов подчеркивает, что ни один язык не является единой гомогенной системой (такое мнение было бы идеализацией), но представляет собой «совокупность близких, но в чем-то различных систем, которые могут быть названы вариантами языка...» (Алпатов, 2023, с. 78). К таким системам относятся территориальные диалекты, социолекты, литературный язык и язык половозрастных групп. В аспекте вариативности особую значимость имеет функциональная вариативность языка, которая, в свою очередь, является проекцией различных типов языкового существования, присущих развитым литературным языкам, обслуживающим разные сферы общения. В. М. Алпатов выделенные А. А. Холодовичем признаки, на основе которых можно классифицировать речевое поведение, распространяет на понятие языковой вариативности. Так, признак *средства выражения речевого акта* (звук – письменный знак) имеет вид оппозиции устных и письменных вариантов языка и особым образом преломляется на почве иероглифического письма в японском языке. До XIX века в Японии «писали либо по-китайски, либо на старописьменном языке, при чтении вслух китайские тексты переводили на японский, а тексты на старописьменном языке произносили в соответствии с фонологией того или иного диалекта» (Алпатов, 2023, с. 79). Различия между системами (приостанавливающие в том числе из большого количества используемых китаизмов) уменьшились как результат специальных мер, предпринятых на рубеже XIX-XX вв. В то же время китаизмы послужили основой (через сочетания китайских морфем) для формирования культурной лексики и особенно терминологий: «На письме иероглифика делает понятной структуру сложной лексемы» (Алпатов, 2023, с. 79). Однако из-за специфики слоговой структуры японского языка возникало большое количество омофонов, с течением времени (в том числе в связи с развитием звуковых СМИ) ставших препятствием для понимания устных вариантов речи, особенно

предназначенных для восприятия на слух текстов типа газетных и специальных. Особые меры касались ограничения использования китаизмов за счет их замены исконно японской лексикой, европеизмами, более понятными китаизмами, словосочетаниями. Вследствие этих ограничений ряд китаизмов используется лишь в письменной речи, и это одна из специфических структурных черт японского текста. При этом тексты «имеют разный вид в зависимости от того, к устному или письменному распространению они предназначены...» (Алпатов, 2023, с. 79). Особым признаком японских текстов является фуригана (хирагана и катакана – знаки японской азбуки, которыми дописывают окончания слов, что позволяет понять, как читать слово (в художественном тексте у фуриганы свои функции)). Иероглифика способствует быстрому схватыванию общего смысла текста (что используется в рекламе, заголовках СМИ и на ТВ). А то, что дописывается хираганой, может опускаться (полностью или частично).

В. М. Алпатов рассматривает такие признаки речевого акта, как его ориентированность и квантификативность (потенциал). Обращаясь к категории *адрессив*, он выделяет три типа текстов и одновременно вариантов языка: 1) индивидуальный тип речевого общения, при котором пишущий обращается к конкретным собеседникам, что предполагает ответ, ответную реплику. Индикатором вежливости/невежливости служат формы глагола: эта оппозиция фактически релевантна для индивидуального варианта языка, при котором говорящий оценивает собеседника и в зависимости от этой оценки строит свой дискурс, употребляя соответствующую форму; 2) в массовом варианте имеет место обращение к неопределенному собеседнику в основном в письменном виде (научная литература, информация в газете, художественный текст); ответ не предполагается. Отсутствуют формы императива, а выступающие здесь невежливые формы в качестве таковых не воспринимаются и не имеют невежливого значения, потому что они вообще не ориентированы на собеседника; 3) индивидуально-массовый тип является своего рода промежуточным: количество адресатов обращения говорящего неопределенно, но это конкретная тематическая группа лиц – пассажиров, женщин, адресатов рекламы, устных объявлений и пр. Так, «говорящий, обращаясь к массе, в то же время обращается как бы к каждому собеседнику лично...» (Алпатов, 2023, с. 81). Для индивидуально-массового варианта релевантны лишь вежливые формы.

Рассматривается и другая категория вежливости – *гоноратив*, – «выражающая отношение говорящего к лицу, совершающему данное действие (или пребывающему в данной ситуации), или же к лицу, для которого совершается действие» (Алпатов, 2023, с. 81). Эта категория (см. выше) выступает в индивидуальном варианте языка. В массовом варианте имеют место лишь простые невежливые формы, утрачивающие здесь свою невежливость. При этом в отношении членов японской императорской фамилии следует употреблять только вежливые формы.

Наряду с собственно формами вежливости для индивидуального и индивидуально-массового вариантов языка (при их отсутствии в массовом варианте) В. М. Алпатов выделяет контактоустанавливающие формы: модальные концовки типа *но* + связка и модально-экспрессивные частицы, достаточно частотные для данных вариантов языка, характеризующихся фиксацией внимания на собеседнике.

В. М. Алпатов выделяет (по А. А. Холодовичу) признак контактности/дистантности, предполагающий непосредственный контакт с собеседником, когда говорящий его видит, и дистантный, когда визуальный контакт отсутствует. При этом так называемое массовое общение всегда дистантно. В. М. Алпатов информирует, что «по нормам японского речевого этикета при дистантном речевом акте требуется больше вежливости, чем при его контактности» (Алпатов, 2023, с. 82).

В статье «Нестандартные видовые категории в современном японском языке» в орбите внимания В. М. Алпатова находится идея каталогизации имеющихся в языках мира грамматических категорий в условиях стремления лингвистов найти в других языках привычные для европейских языков категории. Рассматривается грамматическая категория вида, которая может быть названа таковой применительно к японскому языку при широком взгляде на эту категорию как обозначающую протекание действия во времени. В русле языкового явления видовых противопоставлений В. М. Алпатов анализирует данные японского языка. Рассматриваемые В. М. Алпатовым вспомогательные глаголы присоединяются к какому-либо знаменательному или вспомогательному глаголу в форме деепричастия на *-тэ/-дэ*. Исследователь анализирует ряд примеров с глаголами *оку* 'класть', *миру* 'видеть' и *симау* 'заканчивать' (употребляемым почти исключительно как вспомогательный с семантикой завершенности действия). Все три глагола приносят семантику, сопоставимую с видовыми значениями, и в той или иной мере демонстрируют связь с категорией аспекта.

В. М. Алпатов ведет нас по пути научного поиска, побуждая сопоставлять и активно рефлексировать языковую реальность японского языка. В статье дается широкий срез сопоставления японского языка с русским языком; представлена богатейшая библиография по разным аспектам японского языка.

В книге имеются также разделы «Теория языка и типология», «Языковая политика и социолингвистика», «История языкознания», «Лингвистические задачи».

Источники | References

1. Алпатов В. М. Избранные труды XX века / сост.: П. М. Аркадьев, А. А. Кибрик, Кс. П. Семенова, С. Г. Татевосов. М.: Языкознание, 2023.
2. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. Изд-е 5-е / отв. ред. И. Ф. Вардуль. М.: ЛЕНАНД, 2015.
3. Алпатов В. М. Слово и части речи. М.: УРСС, 2018.

4. Кульпина В. Г. Теория форм вежливости в японском языке В. М. Алпатова как теоретико-эвристическая база параметризации речевого этикета в славянских языках // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. М. Алпатова: труды научной конференции, Институт востоковедения РАН, 22-23 апреля 2015 г.: в 2 т. / отв. ред. З. М. Шаляпина; сост.-ред. А. С. Панина, А. С. Зверев. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. Т. 2.
5. Кульпина В. Г. The Forms of Slavic Politeness vs. Categories of Slavic Mentality: Semantics, Pragmatics, Sociolinguistics [Формы славянской вежливости и категории славянского менталитета: семантика, прагматика, социолингвистика] // Фундаментальная лингвистика. 2023. № 2. <https://doi.org/10.18254/S294939000028974-0>

Информация об авторах | Author information

Кульпина Валентина Григорьевна¹, д. филол. н., доц.

¹ Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

Valentina Grigoryevna Kulpina¹, Dr

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ vgrkulpina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.11.2025; опубликовано online (published online): 28.11.2025.

Ключевые слова (keywords): грамматическая категория; часть речи; языковая коммуникация; японский язык; grammatical category; part of speech; linguistic communication; Japanese language.